

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания седьмой

6

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ

Б. В. ЛУНИН

САМАРКАНДСКИЙ ЛЮБИТЕЛЬ СТАРИНЫ И СОБИРАТЕЛЬ ДРЕВНОСТЕЙ МИРЗА БУХАРИ

К числу примечательных, но незаслуженно забытых местных любителей и собирателей древностей периода после присоединения Средней Азии к России принадлежит житель Самарканда узбек Мирза Абдулла Бухари, или как он фигурирует в русских литературных и документальных материалах, — Мирза Бухарин Мирза Абдуллин.

Известно, что собирание и торговля древностями издавна существовали в Ташкенте, Бухаре, Самарканде, Асхабаде и других городах Средней Азии, причем во многих случаях в роли продавцов древностей (геммы, монеты и т. д.) выступали ремесленники — ювелиры, мастера по металлу и др. Особым спросом тогда эти древности не пользовались и уж во всяком случае ажиотажа вокруг них не возникало. Местные жители «не были заражены кладоискательством, пришлые люди еще не прикасались к памятникам прошлого»¹.

После присоединения Средней Азии к России положение изменилось. В этот период закономерно усиливается интерес русской и мировой общественности к многовекстному прошлому народов Средней Азии, к памятникам древности обширного и богатого историей, но мало известного края. А вместе с тем резко возрастает и спрос на предметы древности со стороны русских и иностранных любителей со всеми его положительными и отрицательными последствиями: положительными в смысле повышения общего интереса к местным памятникам и предметам древности (притом и со стороны ученых, специалистов); отрицательными в том смысле, что рост торговли древностями неизбежно порождал кладоискательство с целью наживы и вел к возникновению долго отсутствовавших здесь подделок древностей².

«Самый обширный рынок по торговле предметами старины, породивший несколько специальных продавцов предметов старины», представлял собою Самарканд. «Объяснялось это тем, что законченная постройкой в 1888 г. Закаспийская военная железная дорога имела своим конечным пунктом Самарканд, (почему) в древнюю столицу Тимура устремилось множество интеллигенции из Европейской России и из-за границы»³.

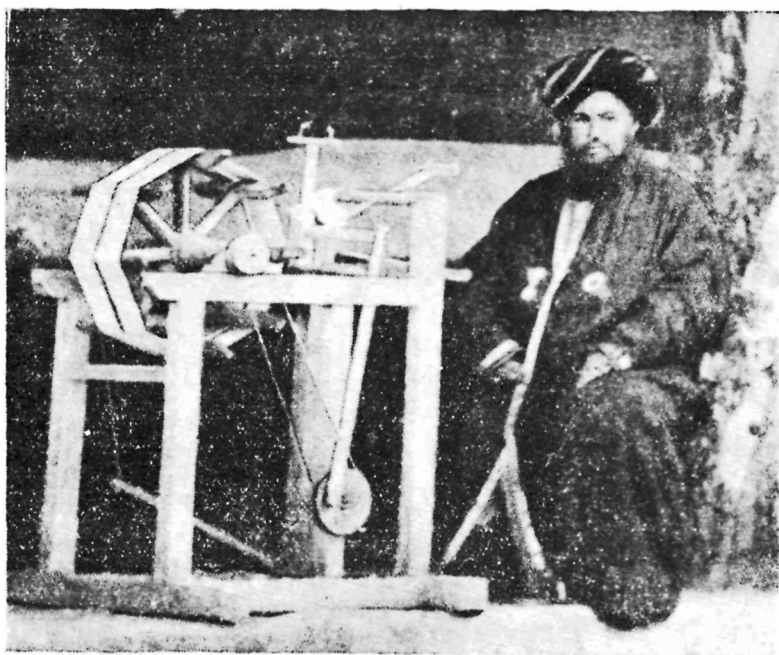
С течением времени собирательство древностей стало находить своих поклонников и в среде представителей коренного населения —

¹ А. А. Семенов, Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях (Из воспоминаний прошлого), «Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР», 14, Душанбе, 1957, стр. 145.

² Н. И. Веселовский, Существуют ли в Средней Азии подделки древностей? «Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества», т. I, СПб., 1887, стр. 110—114; ср. [Поддельные древности из Самарканда], «Туркестанские ведомости», Ташкент, 1906, № 101.

³ А. А. Семенов, указ. статья, стр. 148—149.

узбеков, таджиков и др. Естественно, что страсть к коллекционированию древностей требовала соответствующих затрат и нередко довольно значительных. Поэтому известные нам местные коллекционеры древностей принадлежали к зажиточной части коренного населения, нарождавшейся торговой буржуазии, некоторые представители которой к тому же в той или иной степени приобщались к современным знаниям и были связаны не только с представителями русских торгово-промышленных кругов, но и с передовой русской интеллигенцией.

Акрам-Палван Аскаров.

Среди местных коллекционеров были люди, глубоко преданные делу собирательства древностей и даже отдаленно не помышлявшие о возможности торговли ими. Таким был, например, замечательный любитель-археолог и собиратель древностей ташкентский купец Акрам Аскаров⁴. Были и такие, которые занимались собиранием древностей из любви к делу, из интереса к прошлому, но в то же время, в силу традиций торгово-предпринимательских кругов, не прочь были при удобном случае реализовать часть своих собраний, тем более, когда в роли «оптовых» приобретателей выступали ученые или музеи.

К этой второй категории принадлежал и крупный самаркандский коллекционер Мирза Бухари, весьма незаурядный человек, путешественник по русским городам, активный собиратель древностей, пытливый, любознательный, близко общавшийся с представителями нарождавшейся тогда местной интеллигенции, с крупными русскими учеными и под их влиянием все более интересовавшийся прошлым Средней

⁴ Б. В. Лунин, Узбекский археолог-любитель и собиратель древностей Акрам-Палван Аскаров, «Известия АН УзССР», Серия общественных наук, Ташкент, 1960, № 6, стр. 66—76. По уточненным нами данным, Аскаров скончался 16 октября 1891 г. (ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 1, л. 139, л. 1, 3), оставив после себя вдову Улуг-Ай Халмухамедову (ЦГА УзССР, ф. И-72, оп. 1, л. 3, л. 1).

Азии, выступавший в качестве пропагандиста дела охраны и изучения памятников прошлого. Иначе говоря, это был один из первых местных коллекционеров-краеведов, чья биография, составляющая одну из страниц истории формирования местной интеллигенции конца XIX в., не должна быть забыта нами.

Биографические данные о Мирзе Бухари крайне скупы и отрывочны. Нам не удалось, например, установить даты его рождения, его образовательный ценз и т. п. Первые по времени письменные известия о его деятельности в качестве собирателя и любителя древностей восходят к 1883 г., а последние известия в этом отношении ограничиваются 1893 г., когда Мирза Бухари умер от холеры⁵.

Известно, что Мирза Бухари был самаркандским купцом второй гильдии, владельцем местной фабрики шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных изделий, человеком энергичным, предприимчивым и для своего времени передовым. Он был, в частности, экспонентом сельскохозяйственной выставки в Ташкенте в 1878 г. и предоставил для нее коллекцию канаусов, разноцветных головных и других платков⁶. Вместе с купцом Мухамедом Шакиром Бухари был удостоен золотой медали для ношения на шее «за значительные усовершенствования и обширное производство шелковых

Мирза Абдулла Бухари.

изделий»⁷. Мирза Бухари участвовал также в Туркестанской выставке 1886 г.

В 1887 г. Мирза Бухари принял участие в Харьковской сельскохозяйственной выставке. Как сообщала газета «Харьковские ведомости», он «прибыл из Самарканда и привез с собой шелковые материи, которые успели обратить на себя внимание бывшей на выставке публики. Привезенные им шелковые материи очень скоро были распроданы, и он получил за эти материи награду — медаль».

Несомненно, что местные древности собирались Мирзой Бухари на протяжении многих лет, во всяком случае задолго до 1883 г.,

⁵ «Окраина», 11 октября 1893 г., № 114. («Мы слышали, что один из купцов Самарканда Бухарин умер... от холеры. После него осталась, как говорят наследники, ... ценная археологическая коллекция»). За указание на этот номер газеты мы весьма благодарны канд. ист. наук Г. Н. Чаброву.

Публикуемые здесь портреты Аскарлова и Бухари взяты из фотоальбома Туркестанской выставки 1886 г. (фотографии: «Акрым Аскарлов. Частная дренажная станция» и «Фабрика шелковых, шерстяных и бумажных изделий Мирза Бухарина Мирза Абдуллинова в Самарканде»), хранящегося в отделе редких книг Государственной публичной библиотеки УССР им. А. Навои в Ташкенте.

⁶ ЦГА УССР, ф. И-575, оп. 1, д. 4, л. 53, 58 об.

⁷ Там же, д. 6, л. 9.

когда состоялось его знакомство с впервые посетившим Самарканд известным русским ученым Н. И. Веселовским, имевшим поручение «произвести систематические раскопки как на Афросиавовом городище..., так... и вообще исследовать Туркестанский край в археологическом отношении»⁸.

Н. И. Веселовский осмотрел богатейшую коллекцию Бухари и приобрел 1202 предмета из нее, в том числе 11 золотых монет, 77 серебряных и 951 медную монету⁹, 13 медных серег, 3 идольчика (медный, каменный и глиняный), 18 печатей, 6 камней с высеченными изображениями людей и животных и другие предметы древности¹⁰.

Характерно, что Мирза Бухари в ряде случаев безвозмездно жертвовал музеям ценные предметы древности из своей коллекции¹¹. Так, нами обнаружена в архиве «Ведомость коллекции древностей, отправленной из канцелярии начальника Зеравшанского округа в Ташкентский Музей. Ноября 24 дня 1883 года». В этой ведомости значится «коллекция, пожертвованная купцом Мирза Бухариным», в составе двух золотых монет (древнееврейская, древнеарабская), найденных близ Бухары; серебряных: 10 бактрийских — больших и малых (3 найдены близ Бухары, остальные на Афрасиабе), 5 куфических (Афрасиаб), 2 царя Васудевы (место находки неизвестно), 15 «индийских или древне-персидских и 4 арабских» (Афрасиаб), 96 «разных медных» монет (все из находок на Афрасиабе), 5 золотых перстней, 31 печать и много иных предметов древности¹².

Знакомство и беседы с Н. И. Веселовским, а также посещение его раскопок на Афрасиабе не только пробудили в Мирзе Бухари

⁸ Отчет Императорской Археологической комиссии за 1882—1888 гг., СПб., 1891, стр. XI.

⁹ Среди них были бактрийские монеты Эвфидема, Гелнокла, Диодота, Селевка, Агафокла, индо-бактрийские, сасанидские (Шапур II), сирийские (Антиох), монеты аббасидов, саманидов, газневидов, илеков, хорезмшахов, тимуридов, шейбанидов и др.

¹⁰ Опись коллекции древностей, проданной самаркандским жителем Мирзой Бухари Абдуллиным профессору Николаю Ивановичу Веселовскому, Архив Ленинградского Отделения Института археологии АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 20, 1883 г. л. 76—81 (в дальнейшем Архив ЛОИА; дела, на которые мы ссылаемся, принадлежат архиву Имп. Археологической комиссии). См также «Список предметов коллекций Юнусова, Заргера и Бухарина», Архив ЛОИА, ф. 18, д. 462, л. 1—4 [фонд Н. И. Веселовского]. Эти и последующие поступления из коллекций Бухари и сейчас хранятся в Государственном Эрмитаже и, как явствует из ответа Эрмитажа на наш запрос (письмо № 1736 от 18 декабря 1962 г.), состоят «из терракотовых фигурок, фрагментов оссуариев, разновременной керамики, мелких изделий из бронзы, печатей и монет». Наряду с хивинской коллекцией 1873 г., предметами, вывезенными из Туркестанского края, в том числе из Самарканда (Н. И. Веселовским) в 1885—1895 гг., предметами из раскопок В. В. Бартольда на Афрасиабе в 1904 г. и подношениями бухарского эмира 1910—1911 гг., предметы из коллекции Мирзы Бухари, поступившие в 1883—1891 гг., занимали одно из первых мест в составе среднеазиатских собраний Государственного Эрмитажа дореволюционного времени (ср. А. Ю. Якубовский, Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для изучения истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в., «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», т. II, Л., 1940, стр. 8).

¹¹ Уместно заметить, что вообще, когда речь шла о желании или согласии владельцев коллекций древностей уступить их за определенное вознаграждение Археологической комиссии, музеям и другим организациям, к тому же с заранее оговоренным согласием на посильную для них цену, не обязательно видеть здесь, по нашему мнению, источник возможного обогащения владельцев коллекций. Музеи и научные учреждения отбирали для себя наиболее ценные в научном отношении предметы древности, но могли оплачивать их, как правило, лишь по весьма минимальной оценке, соответствующей возможностям их скромных бюджетов. Если учесть, что эти коллекции собирались долгие годы, причем во многих случаях сами собиратели оплачивали находчиков и других лиц, у которых приобретались древности, то следует признать, что при продаже музеям коллекций древностей о серьезной и крупной «наживе» речи не шло.

¹² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 11, д. 240, л. 53, 53а, 55—56.

стремление усилить свою собирательскую деятельность и не только усугубили понимание им научного значения предметов древности¹³, но и способствовали росту его желания поближе ознакомиться с достижениями русской науки и культуры.

Как мы уже отмечали, в октябре 1887 г. Мирза Бухари по своей инициативе совершил поездку на сельскохозяйственную выставку в Харькове¹⁴, а затем посетил Москву и Петербург. Эта поездка была описана Мирзой Бухари в статье, помещенной в «Туркистон вилоятининг газетаси»¹⁵. Мирза Бухари вкратце изложил в ней свои впечатления о посещенных им по пути в Харьков Баку и Тифлисе. В Харькове он не замедлил посетить местный музей, что характерно для его интересов.

В Москве Мирза Бухари был в Кремле и, как он пишет, «видел Грановитую палату, где древние русские государи принимали иностранных послов». В Оружейной палате он видел «разные старинные и драгоценные вещи прежних государей», осматривал «древний и новый дворцы» императора и Успенский собор. И, что тоже очень характерно для Мирзы Бухари, как ревнителя древностей, он тут же не преминул отметить, что «с древнейших времен у русских сохраняются бережно все достопримечательные вещи; у нас же от ханских времен ничего подобного не сохранилось для памяти; по смерти ханов разные вещи переходили в частные руки, и никто не заботился о сохранении этих предметов для будущего времени».

Побывал Мирза Бухари и в Третьяковской галерее (где на него произвели большое впечатление туркестанские полотна Верещагина), в Политехническом и Румянцевском музеях («из нашего Туркестанского края там есть изображение сарта с женой»). «Есть, что рассказать теперь моим единомышленникам..., — писал Бухари, — я расскажу, какие редкие и драгоценные вещи я видел».

Прибыв в ноябре 1887 г. в Петербург, Мирза Бухари на следующий же день отправился к Н. И. Веселовскому, где его ожидала радостная встреча. Он не раз навещал Веселовского и нелишне отметить, что известный русский ориенталист считал своим долгом и нашел время для того, чтобы сопровождать Мирзу Бухари при осмотре им Петербурга («он показывал мне, — пишет Мирза Бухари, — замечательные здания и находящиеся в них редкости»). Мирза Бухари описал общий вид и достопримечательности Исаакиевского собора¹⁶ и посвятил три дня осмотру («с утра и до вечера») Эрмитажа, где ему сопутствовали Н. И. Веселовский и известный русский ученый И. И. Толстой. «Там есть, — вспоминал Бухари, — разная посуда древних народов, разная одежда, разные картины, разные статуи, разные золотые и серебряные монеты и медали всех стран и народов,

¹³ В редакционной статье «Туркестанской туземной газеты», призывавшей местное население к бережному отношению к памятникам древности, говорилось: «Не нужно их (древние предметы) скрывать, а нужно объявлять, как недавно сделали это почтенные самаркандский купец Мирза Бухарин и Шакирджан Ишаев». («Туркестанская туземная газета», Ташкент, 4 июля 1887 г., № 25).

¹⁴ Его спутником в поездке был житель Самарканда приказчик Василий Ефимович Жуков, знавший узбекский язык.

¹⁵ «Туркистон вилоятининг газетаси», Ташкент, 1888, №№ 4—7. («Рукопись была исправлена мною и напечатана [в газете], — свидетельствует редактор газеты Н. П. Остроумов, перепечатавший впоследствии русский текст статьи Бухари в своей книге «Сарты». Этнографические материалы. (Общий очерк). Издание третье, дополненное, Ташкент, 1908, стр. 192—200).

¹⁶ Что требовало, заметим, известного свободомыслия от Мирзы Бухари: правоверный мусульманин посещает храмы «неверных».

а также разные древние предметы, полученные (добытые. — Б. Л.) из земли во время раскопок».

Вместе с Н. И. Веселовским Мирза Бухари посетил публичную библиотеку (ныне Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), где видел знаменитый Коран Османа («хранится очень бережно, точно новый лежит, весь в золотой отделке, в футляре под стеклом») и ознакомился с рядом восточных рукописей.

Мирза Бухари присутствовал также на одном из заседаний Восточного отдел. Русского археологического общества, где «видел многих ученых, которые знают языки разных мусульманских народов, а также языки: монгольский, китайский, индустанский и изучают древности разных народов. При мне ученый В. В. Радлов, отлично знающий тюркские языки и древнее уйгурское письмо, объяснял два ярлыка: один Тохтамыш-хана, другой — Тимур-Кутлука. Очень приятно было мне слышать, — замечает Бухари, — как в отдаленном Петербурге русские ученые люди изучают историю прежних наших ханов и знают, что происходило при них. И мне пришлось беседовать с этими учеными; у меня спрашивали объяснения некоторых слов, и я, что знал, объяснил. Другой ученый, профессор Георгиевский, читал, как живут люди в Китае, и объяснил, что есть у них хорошего».

Здесь Мирза Бухари имеет в виду заседание Восточного отделения 1 декабря 1887 г., в котором участвовали такие выдающиеся русские ученые, как В. Д. Смирнов, А. Ф. Бычков, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, О. Э. Лемм, А. К. Марков, В. В. Радлов, И. И. Толстой и другие, а в качестве гостя — Мирза Бухари¹⁷.

Есть ряд данных, позволяющих утверждать, что поездка Мирзы Бухари по городам России, особенно в Петербург, оставила глубокий след в его сознании.

Характерно, в частности, что по возвращении в родной Самарканд он вскоре (в начале 1888 г.) представляет в Административный кабинет императора 43 предмета древности (в том числе две золотые монеты), найденные главным образом в Самарканде и Бухаре¹⁸.

Тогда же, видимо, завязывается переписка Мирзы Бухари с Н. И. Веселовским. Вот образец его писем к Веселовскому: «Многоуважаемый Николай Иванович! Свидетельствую Вам свое нижайшее почтение, а также Вашей супруге. Я жив и здоров... семейство мое тоже самое все здорово. За тем посылаю Вам в добавление разные старинные редкости для Эрмитажа» (следует перечень)¹⁹.

Н. И. Веселовский снабжал Мирзу Бухари книгами для чтения, а Бухари выполнял его поручения по Самарканду («книгу и письмо Г. Арендаренко передал, — пишет Бухари. — Очень он Вам благодарен»)²⁰.

Прямой отзыв петербургской поездки Мирзы Бухари и его общения с Н. И. Веселовским и другими русскими учеными мы находим и в том, что по возвращении в Самарканд он все более проявляет себя не как простой собиратель древностей, но как собиратель-краевед, для которого уже не безразлично, где и при каких обстоятельст-

¹⁷ «Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества», том второй, 1887, СПб., 1887, Протоколы, стр. VII—VIII.

¹⁸ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, л. 36, л. 12—14.

¹⁹ Письмо от 20 февраля 1888 г., Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, 1888 г., л. 22, 22об.

²⁰ Письма писались на русском языке упомянутым выше В. Е. Жуковым под диктовку Мирзы Бухари. Под каждым из них стоит собственноручная подпись Мирзы Бухари арабскими буквами.

вах найден тот или иной предмет древности. Например, при одном из писем Бухари мы встречаем опись с данными такого характера: «Стакан с накладным серебром (внутри него) лежали 4 золотые монеты; все эти вещи были найдены внутри медного сундучка небольшого размера, который от времени сгнил и развалился. Найдены вещи за Бухарой в 32 верстах, в Ходжа-Убанской степи... Две золотые монеты найдены от Самарканда в 16 верстах в кишлаке Ном, найдены весной узбеком во время паханья...» и т. п.

Пытается Мирза Бухари и читать (правда, наивно) надписи на монетах: «На этой золотой монете по куфически было написано так: Султанул Азам Мунзит Дунгу увадтин Абул Музафар Мухамед бин-ний бибалдати Газнауи фишугури сана сидта» и т. д.²¹

Более того. Вскоре по возвращении из Петербурга Мирза Бухари выступает в печати с сообщениями о новых находках предметов древности.

В «Туркестанской туземной газете» 14 мая 1888 г. (№ 19) Мирза Бухари напечатал «Письмо из Самарканда» следующего содержания: «В этом году в Самарканде было много дождей; большие потоки размывали находящийся в окрестностях Самарканда Афросиаб и подобные ему большие холмы». В образовавшихся вымоинах были обнаружены редкие старинные предметы. «Вот перечень купленных мною вещей: выделанный из черного камня кувшин с вырезанными на нем узорами и именами и с несколькими строками арабского куфического письма. Он получен из холма Афросиаба.

Еще найдены два древних зеркала, сделанных из меди, с письменами и узорами. В древнее время стекла не было и зеркала делали из меди, полировали их, придавали им блеск и смотрелись в них. Такие зеркала я видел в петербургском Эрмитаже, и почтенный профессор Веселовский мне так рассказывал, когда я спрашивал у него об этом...

На Афросиабе найдено также несколько глиняных статуэток, замечательных по своей редкости, несколько каменных печатей с изображениями и одна медная печать. Надпись на этой печати разобрали и я увидел, что это — печать Хазрат-Абдуллы Ибн-Аббаса — да будет он благоугоден Всевышнему богу!...

Все упомянутые предметы находятся у меня, о чем я Вам и сообщая.

Писал это письмо самаркандский житель Мирза Бухари Мирза Абдулла. 1888-го года. 1-го Мая»²².

Публикация в «Туркестанских ведомостях» (№№ 12 и 19 за 1888 г.) сведений о коллекции Мирзы Бухари вызвала обращение петербургской Археологической комиссии на имя туркестанского генерал-губернатора (3 июня 1888 г.) с просьбой представить эту коллекцию на рассмотрение комиссии²³.

21 октября 1888 г. с согласия Мирзы Бухари в Петербург было отправлено 6 ящиков монет и других предметов древности, причем Бухари (и это характерно) не назначил каких-либо цен на них, а «изъявил согласие *передать эти находки в пользу казны* (курсив наш. — Б. Л.) за вознаграждение по усмотрению Комиссии»²⁴.

²¹ Из письма Н. И. Веселовскому без даты; Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, л. 66, л. 27. Мирза Бухари состоял в переписке и с Н. П. Остроумовым, сообщая ему о своих новых приобретениях предметов древности. (Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, л. 34, 1889 г., л. 1в).

²² Цит. по экземпляру газеты, хранящемуся в Архиве ЛОИА, ф. 1, оп. 1, л. 34, л. 164.

²³ Там же, л. 66, 1888 г., л. 1.

²⁴ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, л. 66, 1888 г., л. 2.

Всего было отправлено свыше 6300 предметов древности²⁵. О научной ценности коллекции свидетельствует тот факт, что, за исключением медных монет²⁶, подавляющее большинство предметов после осмотра специалистами было оставлено для приобретения.

С этого времени устанавливаются непосредственные связи Мирзы Бухари с Археологической комиссией.

В 1888 г. комиссия отобрала для Эрмитажа из присланных Мирзой Бухари вещей бронзовое восточное зеркало и медный кувшин²⁷.

До нас дошло письмо Мирзы Бухари от 6 июня 1889 г. на имя Археологической комиссии, где он просил комиссию «обратить на (его) деятельность особое внимание, так как небезизвестно Комиссии, что я занимаюсь много лет приобретением древних предметов», и, не рассчитывая на особое вознаграждение, «все таки я стараюсь для общей пользы и науки нашей России и оставить память прочим что именно в Туркестанском крае занимался преимущественно я дабы и прочие из... нашего народонаселения имели бы об этом особое понятие к древним предметам» (курсив наш. — Б. Л.)²⁸.

Мирза Бухари неоднократно еще посылал в комиссию слепки с золотых и других монет, часть которых приобреталась для эрмитажных и иных коллекций. В частности, он прислал в 1889 г. 13 золотых и медных монет, чеканенных римскими и византийскими императорами, а также восточными правителями периода средних веков²⁹.

В сентябре 1891 г. старший хранитель Эрмитажа Г. Е. Кизерицкий отобрал для Эрмитажа 11 терракот из числа полученных от Мирзы Бухари³⁰.

28 октября 1892 г. Мирза Бухари обратился в Археологическую комиссию с сообщением, что им приобретено 7 золотых и 8 серебряных монет, причем он пытался определить их «именования»³¹.

Акад. АН УзССР И. М. Муминов впервые обратил внимание на то исключительно интересное обстоятельство, что летом 1891 г. известный поэт и мыслитель Фуркат, будучи в Самарканде, жил у Мирзы Бухари. «С большим вниманием, — пишет И. М. Муминов, — осматривал Фуркат древние вещи (из собрания Бухари), характеризующие уровень культуры Средней Азии, примерно за тысячу и более лет назад и относящиеся к периоду завоевания Средней Азии арабами и даже греками. Об этом Фуркат упоминает в своем письме в редакцию «Туркестон вилояти газетаси», опубликованном в августе 1891 г.»³².

Таким образом, устанавливается крайне важный факт непосредственного общения Фурката с Мирзой Бухари.

²⁵ См. «Опись разным древним предметам, приобретенным Самаркандским 2-й гильдии купцом Мирза Бухариным Мирза Абдуллиным», Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, 1888 г., л. 3—4.

²⁶ Из 4956 медных монет после осмотра специалистами было приобретено лишь 62, перечень которых см. Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, 1888 г., л. 47, 47об.

²⁷ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, 1888 г., л. 29—31 (в деле имеются снимок зеркала и рисунок кувшина).

²⁸ Текст письма публикуется здесь с сохранением его грамматики и стиля. — Б. Л.

²⁹ Монеты определены В. Г. Тизенгаузенем; Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, 1888 г., л. 15, 16.

³⁰ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 66, 1888 г., л. 32а—33 (на л. 33 — фотография терракот; там же, на л. 34об — фотография узорчатой медной решетки, приобретенной у Мирзы Бухари для Эрмитажа; на л. 38—45 — фотографии различных предметов древности, также приобретенных комиссией у Мирзы Бухари, — украшения, зеркало, печати, светильник, терракоты и др.).

³¹ Архив ЛОИА, ф. 1, оп. 1, д. 185, 1892 г., л. 1—2.

³² И. М. Муминов, Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане конца XIX и начала XX вв., Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, стр. 116.

Мы не знаем, был ли Мирза Бухари, как это утверждает, например, А. Бабаханов, «самым близким другом Фурката»³³, однако уже сейчас несомненно, что их общение в Самарканде имело творческий и плодотворный характер. Можно не сомневаться, что при высоком интересе и Фурката и Мирзы Бухари к русской науке и культуре они не могли избежать при своих встречах взаимных рассказов об общении с русскими людьми, тем более, что они имели общих знакомых (В. П. Наливкин и др.). И конечно же, Мирза Бухари не мог не поделиться с Фуркатом своими впечатлениями от петербургской и других поездок, как не мог не рассказывать ему Фуркат о своих связях с представителями русской культуры и науки.

На фоне пребывания Фурката в качестве желанного гостя в доме Мирзы Бухари личность последнего вырисовывается перед нами в еще более привлекательном свете.

Будем надеяться что время обогатит наши знания о Мирзе Бухари — человеке, заслужившем право на память о себе в анналах туркестановедения.

Б. В. Лукин

САМАРҚАНДЛИК МИРЗА БУХОРИЙ — ҚАДИМИЙ НАРСАЛАР ИШҚИВОЗИ ВА ТЎПЛОВЧИСИ

Мақола Туркистоннинг дастлабки ўлкашунос-коллекционерларидан қадимги нарсалар ишқивози ва тўпловчиси самарқандлик Мирза Абдулла Бухорийга (1893 йилда вафот этган) бағишланган. Талантли ва билимга ҳаваси зўр бўлган бу киши йирик рус олими (Н. И. Веселовский ва бошқалар) ҳамда маҳаллий зиёлилар орасидан етишиб чиққан намоёндалар (шу жумладан Фурқат) билан жуда яхши таниш эди. Мирза Бухорий ўзи тўплаган бой коллекциянинг кўпгина предметларини Давлат Эрмитажига ва бошқа музейларга берган. Бу предметлар у тўплаган коллекцияга катта қизиқиш тугдиради.

³³ А. Бабаханов. Поэт — просветитель узбекского народа, «Звезда Востока», Ташкент, 1958, № 9, стр. 201.

А К А Д Е М И Я Н А У К У З Б Е К С К О Й С С Р

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания девятый

6

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“ УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

ТУРКЕСТАН В МАТЕРИАЛАХ ЛИЧНОГО АРХИВА В. В. БАРТОЛЬДА

В последние годы отмечается возрастание роли и значения историографических исследований. И это вполне закономерно. Наша наука прошла длительный и сложный путь развития и по праву гордится тем большим вкладом, который она внесла в сокровищницу отечественной и мировой культуры. Естественно поэтому стремление советских историографов подытожить и осмыслить достижения отдельных отраслей науки с тем, чтобы определить наиболее целесообразные и эффективные пути и задачи дальнейшего еще более быстрого развития советской науки.

В этом плане большой интерес представляет неопубликованное научное наследие академика Василия Владимировича Бартольда (1869—1930) — его архив, хранящийся ныне в собраниях Архива Академии наук СССР в Ленинграде в качестве одного из так называемых личных фондов ученых страны¹.

Отрадно отметить, что архив В. В. Бартольда постепенно начинает привлекать к себе внимание ученых², особенно в связи с подготовкой к изданию сочинений В. В. Бартольда. Но все же не будет преувеличением сказать, что научное использование материалов личного фонда акад. В. В. Бартольда только начато и основная работа еще впереди.

¹ Архив Академии наук СССР в Ленинграде, ф. 68, оп. 1. Рукописи трудов. Материалы по деятельности и работе других лиц, 517 ед. хр.; оп. 2. Письма, 328 ед. хр.

² Общие данные об архиве см.: Архив Академии наук СССР. Обзорение архивных материалов. Том I. Под общей ред. Г. А. Князева, Л., 1933, стр. 113—114; Том II. Под общей ред. Г. А. Князева и Л. Б. Модзалевского, М.—Л., 1946, стр. 225—229 («Труды Архива АН СССР», вып. 1, 5). Составители обзоров по архиву В. В. Бартольда: П. М. Стулов (т. I), М. В. Крутикова (т. II). Пользуясь случаем, мы хотели бы отметить исключительное внимание и любезное содействие сотрудников читального зала Архива АН СССР (Т. Н. Барсукова, А. И. Васина, П. Н. Корявов и др.), оказанное нам в процессе работы над материалами личного фонда В. В. Бартольда и в ходе переписки с архивом.

Задача данной статьи, отнюдь не претендующей на полноту освещения вопроса, — ознакомить в самых общих чертах научную общественность с теми материалами Бартольдовского архива, которые имеют прямое отношение к истории и историографии Туркестана.

Прежде всего укажем, что в составе архива имеется ряд полностью или частично неопубликованных рукописей В. В. Бартольда по истории Средней Азии. Таковы, например, «Следы греческих мифов в Средней Азии» (15 л.; д. 3,1894); черновой экземпляр рукописи по истории Согда с древнейших времен до арабского нашествия (136 л.; д. 14, 1903—1906); курс лекций по истории Туркестана до VII в. (210 л.; д. 17, 1916—1917); план книги, посвященной народам Средней Азии (2 л.; д. 25, 1923); небольшая заметка энциклопедического характера о Куния-Ургенче (д. 68); курс «Историко-географический обзор Средней Азии» (1898—1899); план-конспект доклада 20-х годов о состоянии исследования Туркестана (д. 86); заметки к обзору и характеристика работ разряда ГАИМК по археологии Средней Азии (д. 83; 1922—1923); обзор содержания известного словаря Махмуда Кашгарского «Лугат-ат-турк» («Китаб диван лугат-ат турк») и записи по нему (д. 181) и др. (ср. ИРАН, VI серия, т. XV, Пг., 1921, стр. 184).

Внимание исследователей должны несомненно привлечь папки с различными материалами, относящимися к поездкам В. В. Бартольда в Среднюю Азию. Без подробного изучения их невозможно выяснить, какие именно материалы еще не нашли своего отражения в печатных публикациях Бартольда. Однако можно с несомненностью утверждать, что часть этих материалов осталась неопубликованной. Таковы, например, дневниковые записи и другие материалы по поездкам В. В. Бартольда в Среднюю Азию в 1894 г. (дд. 323, 324), в 1902 г. (дд. 200, 331, 332), в 1904 г. (дд. 333, 334), в 1920 г. (дд. 211, 355, 356), в 1925 г. (дд. 218, 219)³

³ В деле 218 (лл. 9—14) содержатся, в частности, весьма интересные данные об осмотре В. В. Бартольдом Ташкентского музея и библиотеки, о заседаниях Узкомстари-

и др. Подчеркнем, что во всех этих делах имеются, в частности, сделанные Бартольдом выписки из восточных рукописей и книг Туркестанской публичной библиотеки, разных личных собраний и т. д. Некоторые папки содержат в себе выписки по истории и географии Средней Азии, извлеченные Бартольдом из сочинений античных писателей, средневековых хроник и путешествий и т. п. (дд. 304, 308, 309, 310; 90-е годы XIX в.)⁴.

Заслуживает внимания дело 179 (299 лл.; 1914—1917), относящееся к серии рукописей по истории Средней Азии и содержащее подготовленный к печати на узбекском языке текст истории Хивинского ханства придворного хивинского историка Шир-Мухамеда (Мунис-мираба, ум. 1829) «Фирдаус-ал-икбал» («Райский сад счастья») ⁵.

Дело 381 включает в себе писанную на персидском языке рукопись «О мерванитах» — записи Хайдар-шо из кишлака Поршинив на Пяндже (Шугнан), присланные В. В. Бартольду А. А. Семеновым⁶.

Среди выписок и конспектов восточных рукописей, сделанных Бартольдом в процессе работы в зарубежных (Париж, Берлин, Лондон, Оксфорд, Кембридж, Стамбул) и отечественных (в том числе туркестанских) библиотеках мы находим, в частности, «Китаб-ал-ансаб» Самани, «Матла ас-садайн» Абд ар-Раззак Саамарканди, рисаля Мухаммед Якуба (из истории Бухарского ханства), вакфные документы областей Ферганы и Сырдарьи (в их числе документы Караскандского мазара), сочинение по новой истории Туркестана, «Четыре улуса» Улугбека, «Чингиз-наме» Ахмеди, история Кокандского ханства и Якуб-бека («Тарих-и Сафари»), «Тарих-и Хайдари», «Тарих-и Бейхаки», «Тахдид нихот ал-амаакин» Бируни, «Михман-наме-и-Бухара» (история узбеков в начале XVI в.), написанная для

Худояр-хана история Кокандского ханства и др.⁷

Значительный интерес представляют папки с различными материалами, относящимися к раскопкам на Афрасиабе (Самарканд), которые, как известно, велись В. В. Бартольдом в 1904 г. Среди них — дневниковые записи Бартольда, веденные в процессе раскопок, фотографии, фиксирующие ход раскопок 1904—1905 гг., планы Афрасиаба и др. (д. 65; 1904—1905). Дело 66 содержит заметки и выписки к исторической топографии Самарканда.

Интересны и замечания Бартольда по Зерафшанской поездке В. В. Радлова⁸.

Внимание историков привлекают также хранящиеся в архиве рукописи замечаний Бартольда — оппонента по диссертации А. Н. Самойловича «Книга рассказов о битвах текинцев» (д. 58), рецензия на книгу Д. Н. Логофета «На границах Средней Азии. Путевые очерки», СПб., 1909 (д. 76).

В. В. Бартольд отмечал фантастичность исторических выводов Логофета. «Можно было думать, — писал Бартольд, — что фантастическое представление автора о прошлом края и поверхностное отношение к памятникам старины возмещается серьезным и вдумчивым отношением к вопросам современной жизни. К сожалению, автор и эти вопросы решает так же просто и столь же мало останавливается перед затруднениями, как при решении вопросов исторических и археологических».

Сохранился также отзыв Бартольда о статье В. Д. Городецкого «Где находился город Баласагун» (д. 71; 1921).

Крайне важной для характеристики прогрессивных взглядов В. В. Бартольда-востоковеда, возникших у него в процессе изучения истории Туркестана, мы считаем хранящуюся в архиве и оставшуюся неизданной рукопись его обширной рецензии⁹.

са, о встречах с М. Е. Массоном, Л. В. Ошаниным, М. С. Андреевым, Л. В. Успенским, А. В. Панковым и др.

⁴ См. также дело 59 с выписками из материалов о путешествиях по Хивинскому ханству.

⁵ Как явствует из сообщения редакционной коллегии собрания сочинений В. В. Бартольда, «подготовленные В. В. Бартольдом и хранящиеся в его архиве тексты сочинений... Муниса по истории Хивинского ханства (Фирдаус-ал-икбал)... предполагается издать особо» (В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, М., ИВЛ, 1963, стр. 9).

⁶ Ср. А. А. Семенов, История Шугнана. — Протоколы Туркестанского Кружка любителей археологии, XXI, Ташкент, 1917, стр. I—III, 1—23. Как указывает составитель описи № 1, рукопись Сейид-Хайдар-шо использована Бартольдом в его статье «Мусульманская секта мерванитов» (Известия Академии наук, 1915, стр. 643—648; см. также «Мусульманский мир», 1917, № 1, стр. 5—9).

⁷ Ср. Архив..., т. II, стр. 227. Имеются также рукописи, представляющие собой подготовительные материалы Бартольда к курсу исламоведения и по вопросу о распространении буддизма в Средней Азии.

⁸ В архиве хранится также рукопись В. В. Бартольда: «Заслуги Радлова по изучению кочевых народов Средней Азии» (ф. 68, оп. 1, д. 260, лл. 1—27).

⁹ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, ч. 74, лл. 1—7. Дата рецензии отсутствует, но написание ее до 1900 г. несомненно. Укажем также, что в архиве Бартольда хранится машинописный текст статьи М. Тынышбаева «Краснореченские развалины г. Баласагун» (д. 480). В архиве Бартольда имеются и некоторые другие неопубликованные рукописи различных авторов, как например рукопись небольшой заметки Н. П. Астрамова (1920 г.) «Изображение меча Астри» (д. 183, оп. 2, лл. 134—136). Речь идет о магическом изображении данного меча («Зульфикар», украшенного рубчиками по тупой части лезвия), оттиснутом с резного деревянного клише и раздававшемся

на известную книгу Н. П. Остроумова «Сарты»¹⁰. По нашему мнению, эта рукопись — один из наиболее существенных источников к характеристике мировоззрения Бартольда.

В рецензии на книгу Остроумова («представляющую более публицистический, чем научный интерес») Бартольд касается вопроса о формировании «характера народа» и о взаимоотношениях русских с населением Туркестана. В связи с этим он пишет о необходимости изучения быта коренного населения «без фальшивой идеализации и в то же время без всяких расовых, националистических и религиозных антипатий (здесь и далее подчеркнуто нами. — Б. Л.). Необходимо помнить, что характер народа образуется под влиянием климатических и бытовых условий, причем последние далеко не одинаковы для различных классов населения; поэтому понять характер целого народа на основании наблюдений над отдельными его представителями — задача несомненно более сложная, чем полагает большинство путешественников и поверхностных наблюдателей».

Намекая далее на пристрастие Остроумова к стихам местных поэтов, содержащим восторги по адресу колониальной администрации, Бартольд пишет: «Люди, принимающие к сердцу не столько чисто государственные интересы, сколько интересы народных масс (к таким людям причисляет себя и пишущий эти строки), не будут, конечно, увлекаться стихами местных поэтов, прославляющих носителей русской власти почти в тех же выражениях (и, очевидно, с такой же искренностью и таким же бескорыстием), в каких их предшественники прославляли азиатских властителей».

ишанами защитникам Ташкента, оборонявшим город в 1865 г. Надписи арабским шрифтом: на рукоятке и отростках: «Нет героя, кроме (т. е. главнее) Алия; нет меча лучше Зульфикара. Отстрани от нас всякую беду, о милосердный и милостливый!»; на лезвии: «Призывай Алия, проявляющего чудеса храбрости и геройства. Найди его помогающим тебе. Всякая печаль и тоска уничтожится ради пророчества твоего, о Мухаммед, и ради святости твоей, о Алий, о Праведный (Абу-Бекр), о Омар, о Омар, о Омар, о Боже!». Около рукоятки значится 1280 г. х. Черновым вариант рукописи Остроумова хранится в его архиве (ЦГА УзССР, ф. И-1009, оп. 1, д. 107, л. 51 — 51 об) со ссылкой на хранящиеся в Ташкентском музее изображения «Меча Алия»: «отпечатавшиеся местными (сартскими) чернилами на продолговатом лоскутке русской писчей бумаги» (там же, л. 55; л. 54 — рисунок).

¹⁰ Н. П. Остроумов, Сарты. Этнографические материалы, Издание второе, дополненное, с портретами сартов, Ташкент, Издание книжного магазина «Букинист», 1896.

В другом месте Бартольд пишет: «Самаркандская (газета) «Окраина» в конце 1893 г. призывала русское население к экономической борьбе на жизнь и смерть с туземцами. Мы надеемся, что кризис разрешится более мирным путем и что без насильственных мер удастся обуздать «коммерческие аппетиты» отдельных лиц и обеспечить законные интересы народных масс, без различия религии и национальности»¹¹.

Бартольд сурово критиковал одного из воспитанников восточного факультета Петербургского университета, который в своих статьях «повторяет старый предрассудок о мусульманском фатализме, будто бы являющимся причиной культурной отсталости мусульманских народов, тогда как **всякому**, знакомому с историей Востока, известно, что этот фатализм в своих фактических проявлениях ничем не отличается от христианской покорности воле Божьей и «служит» преимущественно утешением в несчастьи; **никакой фатализм** не мешает мусульманским государственным людям, полководцам и торговцам принимать меры к обеспечению успеха своих учреждений»¹².

Для уяснения прогрессивных черт мировоззрения Бартольда весьма ценен также хранящийся в архиве оригинал его неопубликованной рукописи, написанной после победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в России и, по всей видимости, под прямым впечатлением от нее.

«Последними событиями, — пишет Бартольд, — вновь поставлен на очередь вопрос, поднимавшийся еще прежним правительством, о ликвидации последних остатков средневекового деспотизма в азиатских владениях России. Трудность этой задачи, как вообще культурных задач России в Средней Азии, определяется тем, что здесь в состав России, в противоположность европейской России и Сибири, вошла древняя культурная страна. Кроме некоторых местностей Закавказья, в пределах России нет страны с более древней культурой, чем Туркестан.

Культурная жизнь началась в Туркестане в незапамятные времена; уже первые из дошедших до нас описаний края, относящиеся к IV в. до Р. Хр., говорят о земледельческой культуре и даже о городах.... Туркестан пережил несколько нашествий и завоеваний... Еще арабские завоеватели... застали здесь тот же общественный строй, как за тысячу лет перед тем македонские...».

Далее Бартольд прослеживает процесс бюрократической централизации власти в Средней Азии при Саманидах, считая, что «в государственной жизни Туркестана были те же элементы, которые в Европе привели к образованию аристократических городских республик, потом к установлению абсолютной монархии и полицейского госу-

¹¹ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 74, л. 2 — 6.

¹² Там же, д. 75, оп. 1, л. 2 — 3.

дарства, наконец, к победе третьего сословия. Ход борьбы во многом напоминает историю борьбы королей с феодалами в За-

ной ненавистью к пришельцам, приносившим с собой господство чужого народа, чужой веры и культуры».

Василий Владимирович Бартольд. 90-е годы XIX в. (Фото из архива АН СССР).

падной Европе... Для Туркестана переход от удельной системы к ханскому единовластью, как для Европы переход от феодальных порядков к королевскому и княжескому абсолютизму, был несомненным прогрессом... В XIX в. бухарские эмиры, хивинские и кокандские ханы вывели значительную часть Туркестана из того состояния анархии и разорения, в котором она находилась во второй половине XVIII в.; гораздо хуже было состояние областей, оставшихся вне власти ханов... Однако, по словам Бартольда, завоевательные стремления Бухары были чисто династическими и не разделялись народными массами.

«...Если русские войска иногда встречали ожесточенное сопротивление, то это объясняется не преданностью (населения) своему государственному строю, но естествен-

Говоря об истоках панисламизма, Бартольд отмечал, что «до сих пор политические волнения в Бухарском ханстве и вообще в Туркестане, насколько они не вызывались просто злоупотреблениями правительства и (опричинны?; неразборчиво.— Б. Л.), должностных лиц, происходили только во имя возвращения к местному средневековому строю».

Отмечая влияние в Туркестане татарских националистов, Бартольд указывал, что «они не делали вывод... что необходимо покончить с ханствами; напротив, они считали необходимым дорожить этими остатками мусульманско-турецкой государственности и продлить их жизнь реформами хотя бы по образцу произведенных в Турции и Персии...»

Заслуживает внимания общий вывод

Бартольда: «Культуропособность и культурные заслуги (народов Средней Азии.— *Б. Л.*) едва ли нуждаются в доказательстве; едва ли также можно поставить им в вину, что они по общему характеру своей истории, особенно в новейшее время, не могли выйти из условий средневековой жизни, когда в самой Европе в области права переход от средневековья к новому времени начался только в конце XVIII в.»

В цитированных выше строках отчетливо сказываются слабые и сильные стороны общественных воззрений Бартольда. К примеру, нельзя, конечно, согласиться с категорическим утверждением, что завоеватели-арабы застали в Средней Азии тот же самый общественный строй, как «за тысячу лет перед тем македонские». Здесь налицо дань так называемому извечному феодализму, хотя внутри этого феодального общества сам Бартольд отрицал наличие «застоя, как характерного признака Востока».

С другой стороны, любопытно мнение Бартольда, что «влияние религии на этот строй было гораздо меньше, чем обыкновенно полагают».

Мнение далекого от марксизма Бартольда, что «для Туркестана переход от удельной системы к ханскому единовластию, как для Европы переход от феодальных порядков к королевскому... абсолютизму, был несомненным прогрессом», объективно отвечало взглядам в этом вопросе основоположников научного коммунизма. Как известно, Ф. Энгельс отмечал, в частности, что королевская власть была для своего времени прогрессивным элементом, «представительницей порядка в беспорядке... в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»¹³.

Но не будем вдаваться, в рамках нашей обзорной статьи, в подробные комментарии по исторический части отмечаемой рукописи Бартольда, сколь бы ни было это интересно с историографической точки зрения¹⁴.

В данном случае для нас более важно отметить, что в рукописи Бартольда содержатся делающие ему честь меткие наблюдения в области современных ему событий. Таковы, например, замечания по адресу, как он говорит, «татарских националистов», по существу же по адресу пантюркистов и панисламистов, так называемых джадидов. Как видим, Бартольд, отнюдь не был вве-

ден в заблуждение лжеревolutionной фразеологией джадидов и отметил, что последние не только не помышляли о ликвидации ханств, а наоборот, стремились к тому, чтобы «продлить их жизнь» ценой ограниченных реформ «по образцу проведенных в Турции и Персии».

Но может быть, наиболее ярко сложное переплетение старого и нового в мировоззрении В. В. Бартольда, его более или менее прогрессивных взглядов с ограниченностью его исторического кругозора сказалось в рассуждениях о будущем государственном устройстве Средней Азии. Далеко не каждый буржуазный востоковед пришел бы к выводу, что «культуропособность и культурные заслуги (населения Средней Азии) едва ли нуждаются в доказательстве» и что коренное население края нельзя винить (по характеру его истории) в неумении выйти из условий средневековой жизни, тем паче, что и в самой Европе «переход от средневековья к новому времени начался только в конце XVIII века».

Мы нарочито воспроизвели несколько мест из различных рукописей Бартольда, чтобы показать, какой интерес и значение приобретают они для авторов монографии об этом крупнейшем русском востоковеде, которая раньше или позже, конечно, должна быть создана и в которой вопросы эволюции мировоззрения Бартольда-ученого неминуемо будут занимать отнюдь не последнее место.

Завершив нашу статью общей оценкой материалов архива Бартольда, относящихся к его связям с местными (ташкентскими, самаркандскими и другими) деятелями.

Для характеристики того, какое высокое значение придавал Бартольд работе местных деятелей на поприще изучения Туркестана и в чем он видел, в связи с этим, задачи факультета восточных языков Петербургского университета и других востоковедческих вузов, очень важны рукописные тексты двух неопубликованных лекций В. В. Бартольда студентам, кончающим курс восточного факультета университета, об их задачах в Туркестане и деятельности научных обществ¹⁵.

Бартольд указывал, что «задача... высших научно-педагогических учреждений по востоковедению, преследующих подобно нашему факультету, только научные, не практические цели, сводится поэтому... к подготовке новых специалистов по различным отраслям востоковедения, которые могли бы принять деятельное участие в работах, производящихся местными тружениками, и воспользоваться пройденной ими научной школой для того, чтобы своим словом и в особенности примером показать этим труженикам, в каком направлении они могут работать с действительной пользой для науки».

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 445.

¹⁴ Заметим только, что в связи с продолжающейся среди историков дискуссией касательно уровня экономической, политической и культурной жизни среднеазиатских ханств накануне присоединения к России продолжает сохранять свое значение следующее мнение Бартольда: «В XIX в. бухарские эмиры, хивинские и кокандские ханы вывели значительную часть Туркестана из того состояния анархии и разорения, в которых она находилась во второй половине XVIII в.»

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 75, лл. 1 — 31 (1900 г.).

Пользу, которую местные деятели могут приносить исторической науке, В. В. Бартольд видел в «трех видах деятельности: отыскании новых рукописей, географических и этнографических работах и собирании археологического и эпиграфического материала»¹⁶.

Закономерны поэтому и обширные связи Бартольда с местными работниками, отражением которых являются хранящиеся в архиве письма к Бартольду его туркестанских корреспондентов, среди которых преобладают любители и специалисты-востоковеды.

Таковы письма: М. С. Андреева (д. 5; 1922 — 1927), Э. С. Батенина (д. 16; 1919), А. З. Валидова (д. 38; 1914 — 1928), В. Л. Вяткина (д. 55; 1903 — 1914, 1921), И. И. Гейера (д. 62; 1898, 1915), В. Д. Городецкого (д. 72; 1924 — 1925), А. А. Диваева (д. 85; 1894 — 1925), А. И. Добросмыслова (д. 88; 1912), Л. А. Зимина (д. 102; 1912 — 1917), В. А. Каллаура (д. 109; 1899), А. Д. Калмыкова (д. 110; 1903 — 1906, 1927), П. А. Комарова (д. 122; 1899), Н. Кулинского (д. 129; 1921, 1923), Н. С. Лыкошина (д. 137; 1894 — 1921), Я. Я. Лютш (д. 141; 1907), Н. Г. Маллицкого (д. 141; 1899 — 1929), М. Е. Массона (д. 149; 1926 — 1930), В. Н. Милованова (д. 159; 1923), В. А. Мустафина (д. 166; 1908), В. П. Наливкина (д. 168; 1899), Д. И. Нечкина (д. 174; 1920 — 1921), Н. П. Остроумова (д. 182; 1896 — 1920; д. 183; 1921 — 1929), Н. Н. Остроумовой (д. 184; 1905 — 1928), Л. В. Ошанина (д. 185; 1925 — 1930), Н. Н. Ошаниной (д. 186), Е. М. Пещеревой (д. 194; 1930), И. Т. Пославского (д. 201; 1895 — 1910), Ф. В. Пояркова (д. 203; 1893), А. А. Семенова (д. 221; 1904 — 1930), Е. Т. Смирнова (д. 222; 1895 — 1896), А. Снесарева (д. 231; 1902), А. Г. Туманского (д. 239; 1894 — 1896), И. И. Умякова (д. 241; 1929 — 1930), П. Фалева (д. 242; 1925), М. А. Цветкова (д. 253; 1912), Е. К. Бетгера (д. 275; 1925), К. Иомудского (д. 281; 1928), Н. Ф. Петровского (д. 295; 1893 — 1908), Семченко (д. 301; 1922), Агалкова (д. 315; 1916), Б. Н. Засыпкина (д. 317; 1928), П. Е. Кузнецова (д. 319; 1928), И. Д. Гейера (д. 328; 1915) и др.¹⁷

Кроме того, должны быть отмечены письма на имя Бартольда русских ученых (петербуржцев-ленинградцев), посвящавших свои работы истории Туркестана: Н. И. Веселовского (д. 49; 1893 — 1917), С. М. Дудина (д. 91), И. И. Зарубина (д. 98; 1916 — 1927), А. Н. Самойловича (д. 219; 1906 — 1929), А. Э. Шмидта (д. 260; 1921 — 1930), А. Ю. Якубовского (д. 265; 1926 — 1927), а также Н. Ф. Катанова (д. 113; 1903 — 1913), Е. Д. Поливанова (д. 198; 1926) и др. Часть писем некоторых ученых адресовалась Бартольду из Туркестана во время их кратковременного или длительного пре-

бывания в крае с научными целями (Веселовский, Зарубин, Самойлович, Шмидт, Якубовский).

В этой переписке можно встретить, разумеется, немало сугубо личного, бытового, семейного, т. е. данные, так сказать, интимного характера, лишённые, как правило, научного и общественного значения. Ценность переписки состоит, однако, в том, что в значительной своей части она порождалась в первую очередь или в большой мере интересами именно научного общения, и в ней можно встретить огромный запас сведений востоковедческого характера. Мы находим здесь информации о ходе археологических, этнографических, антропологических и других изысканий, сообщения о новых находках и открытиях, обмен мнениями по отдельным научным вопросам (языкознание, топонимика, географические термины восточных рукописей, нумизматика и т. п.), материалы о результатах полевых научных наблюдений, записей, разведок, материалы по организации научной, научно-краеведческой и библиографической работы, музейного и библиотечного дела, охраны памятников материальной культуры, различные сведения библиографического порядка, характеристики отдельных ученых и любителей, данные, освещающие условия их работы, окружающие общественную среду и многое другое.

Подчеркнем также, что теснейшие связи Бартольда с местными работниками, его постоянное содействие им консультациями, разъяснениями, моральной поддержкой их научно-краеведческих изысканий и живые чувства их благодарности за это красной нитью проходят через всю их переписку с Бартольдом.

«Сердечно благодарю Вас, — писал Бартольду видный этнограф А. А. Диваев, — за постоянное ко мне внимание и содействие по печатанию моих заметок» (д. 85, л. 17).

Будущий биограф Бартольда обнаружит в его переписке множество драгоценных черт к уяснению образа Бартольда — ученого и человека. Общеизвестно, что Бартольд был скуп и сдержан на внешние проявления своих чувств. С откровенностью провинциального деятеля В. Л. Вяткин прямо писал в своем первом письме Бартольду, что давно хотел бы установить с ним письменную связь, но «составив о Вас из рассказов знающих Вас туркестанцев представление, как о человеке нелюдимом и несообщительном, не решился писать Вам», а теперь «сознаюсь в своей ошибке и жалею об утраченном времени» (оп. 1, д. 55, л. 1).

Свидетельством интереса В. В. Бартольда к деятельности пореволюционных среднеазиатских учреждений и организаций по охране и изучению памятников материальной культуры и его участия в их работе являются папки с материалами Самаркандской постоянной комиссии по охране памятников старины и искусства, учрежденной в 1919 г. при Самаркандском областном

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 75, л. 4.

¹⁷ Номера дел переписки всюду указаны по описи № 2.

комиссариате народного образования (д. 442; 1920 — 1921), Туркестанского комитета по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы, учрежденного 23 мая 1921 г. (д. 445) и аналогичного Среднеазиатского комитета, созданного в 1925 г. на базе Туркомстариса (д. 446; 1925 — 1928). Дело 448 (1920) содержит Протоколы заседаний Комиссии по принятию мер к охране архивных дел и книг и предметов старины и искусства в Старой Бухаре. К этому же циклу вопросов следует отнести дело 69 (записка об охране памятников архитектуры в Средней Азии; ок. 1918) и дело 73 (заметки, черновые записки об археологических работах в Средней Азии; 1918 — 1928).

В 1921 г. в Петрограде была образована постоянная Туркестанская комиссия ГАИМК в составе В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга, К. К. Романова, Н. Б. Бакланова,

А. П. Удаленкова, С. М. Дудина, имевшая ряд заседаний с 10 апреля 1921 г. по 9 марта 1924 г. Рукописные, подписные экземпляры протоколов хранятся в бартольдовском архиве (д. 444; лл. 1 — 122).

При всей неполноте и отрывочности приведенных нами выше данных к описанию туркестанских материалов архива акад. В. В. Бартольда, они все же достаточны для общей характеристики их высокой научной значимости.

Можно и должно пожелать, чтобы заинтересованные исследователи уделили в ближайшее время самое пристальное внимание архиву Бартольда, как и архивам других крупных востоковедов. Скорейшее и наиболее полное введение в научный обиход материалов этих архивов — задача нужная и назревающая.

Б. В. Лунин

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Унингчи йил наشري

7
1966

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Год издания десятый

Б. В. ЛУНИН

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ЭТНОГРАФ ШАХИМАРДАН (ИВАН) ИБРАГИМОВ

Среди представителей национальной интеллигенции Средней Азии, нарождавшейся под влиянием передовой русской культуры во второй половине XIX в., видное место принадлежит Шахимардану Мирясовичу (Ивану Ивановичу) Ибрагимову. Близкий знакомый Чокана Чингисовича Валиханова, деятельный сотрудник русской и национальной печати Туркестана, участник научных изданий того времени, он оставил заметный след как во многом прогрессивно мыслящий этнограф-бытописатель жизни казахского, узбекского и туркменского народов.

Некоторые из печатных произведений Ибрагимова используются исследователями, другие забыты, но личность и жизнь их автора остаются почти неизвестными. Поэтому весьма отрадным было появление в 1964 г. небольшой, но ценной публикации ныне покойного Э. А. Масанова¹, в которой впервые сделана попытка дать общую биографию Ибрагимова (вернее материалы к ней), пополненную новыми, ранее неизвестными сведениями. В статье Э. А. Масанова мы находим текстуральные извлечения из архивных материалов и литературы, содержащие важные сведения об Ибрагимове и его деятельности («Документы о жизни и деятельности Ш. М. Ибрагимова»). Э. А. Масанов составил также наиболее полный список публикаций Ибрагимова².

Однако некоторые существенные факты из биографии Ибрагимова остались вне поля зрения автора, и, что особенно важно, — в статье, за небольшим исключением, не рассматриваются содержание, целенаправленность и характер его публикаций, их научно-общественная значимость, без чего нельзя получить достаточно полного представления о жизни и деятельности Ибрагимова. Не дано также анализа вопроса о степени дружеской близости его с Валихановым. Возможно, Э. А. Масанов предполагал вернуться к этим вопросам, но безвременная смерть помешала талантливому историографу осуществить свой замысел³.

Здесь мы попытаемся пополнить биографические данные об Ибрагимове и дать общий краткий обзор его этнографических публикаций. Родился Ибрагимов в 1841 г. в Оренбургской губернии⁴. По данным

¹ Э. А. Масанов, Ш. М. Ибрагимов — друг Ч. Ч. Валиханова, Вестник Академии наук Казахской ССР, Алма-Ата, 1964, № 9, стр. 53—60.

² Под названием «Научные труды Ш. М. Ибрагимова» в списке фигурируют и некоторые его публикации, не имеющие научного характера.

³ Эдиге Айдарбекович Масанов, Некролог, Советская этнография, М., 1965, № 6, стр. 143—144.

⁴ Э. А. Масанов, указ. статья, стр. 52. У Ибрагимова был брат (по-видимому — близнец) — Шахимурат Мирясович (Федор Иванович), служивший письмоводителем у отца Ч. Ч. Валиханова — султана Чингиса, а с 1870 г. и по день смерти (3 февраля 1881 г.) — в Ташкенте в должности переводчика персидского и татарского язы-

его формулярного списка, составленного в декабре 1869 г., он воспитывался в Сибирском кадетском корпусе, но «курса наук в этом заведении не окончил»⁵. Затем пребывал в Омском полубатальоне военных кантонистов в качестве воспитанника, «приготавливающегося» в переводчики с татарского языка, в чем ему и было выдано свидетельство.

Национальность Ибрагимова точно не установлена. Н. И. Веселовский называл его «соотечественником Валиханова», т. е. казахом. Э. А. Масанов, ссылаясь на «целый ряд документов», но не называя их, категорически утверждал, что он «башкир по национальности»⁶.

С 11 ноября 1854 г. Ибрагимов работал переводчиком, а с 10 января 1868 г. — столоначальником Петропавловского городского управления⁷. К этому периоду относится и его общение с Чоканом Валихановым, о котором он оставил ценные воспоминания⁸. Однако обстоятельства и время их первоначального знакомства неизвестны⁹.

Из воспоминаний Ибрагимова видно, что он был довольно близок к Валиханову и его семье, в числе других участвовал во встрече Чокана Чингисовича при возвращении из Петербурга домой (в 1861 г.) и сопровождал его в поездке из Кокчетавы в аул, к отцу. Об этом свидетельствуют воспроизведенные Ибрагимовым детали поездки, слова Валиханова, обращенные к спутникам, и т. п.

Ибрагимов был очевидцем встречи Валиханова со своими родителями, подробно описал ее и ряд других эпизодов пребывания Валиханова в родном ауле. Можно полагать, что Ибрагимов пользовался доверием и расположением Чокана Чингисовича. Так, описывая семейную ссору, вызванную желанием Валиханова жениться на служанке его матери, он вспоминает: «Чокан написал своему отцу на большом листе... записку и просил меня прочесть ему, если отец попросит меня. Отец прочел и спрятал у себя записку, мне не показал»¹⁰.

ков Сырдарьинского областного правления, при канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства и др. О его службе в Ташкенте см. газ. «Туркестанские ведомости» (далее ТВ), 1870, № 15; 1872, № 26, 48; 1873, № 18; 1880, № 6, 30, 38, 46; 1881, № 5, 8, 12. Автор некролога, посвященного Ф. И. Ибрагимову, Н. А. Маев указывал, что, «имея постоянно по службе своей сношения со множеством просителей» (из среды коренного населения), Ф. И. Ибрагимов «скоро сделался известным между... населением Ташкента как человек гуманный, всегда готовый оказать помощь нуждающемуся и делом, и добрым советом». (ТВ, 18 февраля 1881, № 6, стр. 24).

⁵ Причины, побудившие И. И. Ибрагимова покинуть корпус, неизвестны. Документы свидетельствуют, что обучавшийся вместе с ним его брат Шахимурат «по просьбе матери... уволен из заведения по домашним обстоятельствам 26 июня 1854 г.» (ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 1, д. 1932, л. 606—607). Видимо, по той же причине оставил корпус и Шахимардан Ибрагимов.

⁶ Э. А. Масанов, указ. статья, стр. 53. Возможно, Масанов имел в виду примечание редакции к статье Ибрагимова в «Записках» ИРГО (т. VIII, 1878, стр. 234), где он назван «образованным башкиром», что, однако, не может служить основанием для окончательного суждения о национальности Ибрагимова. Неясно также, были ли имена Шахимардан и Шахимурат первоначальными именами Ибрагимовых. Вспомним, что Валиханов (Чокан Чингисович, по отцу — Чингису) получил мусульманское имя Мухаммед-Ханафия.

⁷ ЦГА КазССР, ф. 369, оп. 4, д. 106, л. 234—237. (Э. А. Масанов, указ. статья, стр. 55).

⁸ И. И. Ибрагимов, Воспоминание о Чокане, в кн.: «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова», Записки отд. этнографии РГО, СПб., 1904, т. XXIX, стр. XL—XLVI (см. также кн.: «Чокан Валиханов в воспоминаниях современников». Составление, подготовка текста, вступительная статья и комментарии А. Ахметова, Алма-Ата, КазГИЗ, 1964, стр. 110—114).

⁹ Не относится ли оно ко времени учения Валиханова и Ибрагимова в кадетском корпусе? Валиханов окончил корпус в 1853 г. Братья Ибрагимовы оставили корпус в 1854 г.

¹⁰ Чокан Валиханов в воспоминаниях современников, стр. 114.

Близость Ибрагимова к Валиханову подтверждается также тем, что в 1863 г. Валиханов ходатайствовал перед начальником областного правления сибирских киргизов К. К. Гутковским о переводе Ибрагимова в Кокчетав: «Ибрагимова нельзя ли сделать секретарем в наш приказ»¹¹.

Естественно, возникает вопрос — не под влиянием ли Валиханова зародился у Ибрагимова интерес к этнографии? Вспомним, что этнографическая статья Ч. Ч. Валиханова «Следы шаманства у киргизов» была написана им в 1862 г., т. е. во время его пребывания в степи, у отца, где с ним и общался Ибрагимов. Здесь же Валиханов написал и «записку № 2» («из черновых бумаг Чокана Валиханова») о распространении ислама и христианства в киргизских (казахских) степях. Известно также, что в это время Валиханов усердно занимался научной работой, в частности «собрал очень много сказок, эпических сказаний, песен»¹², изучал киргизские законы, которые «имеют связь с уложением Чингис-хана». Он часто общался со своими сородичами, рядовыми жителями степей, вел с ними беседы, интересовался их жизнью и бытом, прошлым и настоящим.

С 1870 г. И. И. Ибрагимов начал службу в Ташкенте в должности переводчика с персидского и татарского языков при канцелярии туркестанского генерал-губернатора¹³. Он обратил на себя внимание несомненными способностями, общей культурой и кругозором, хорошим знанием языков. Последнее подтверждается тем, что 24 ноября 1870 г. его перевели на должность переводчика «манджурского и татарского языка», вместо П. И. Пашино — питомца восточного факультета Петербургского университета, работника с большой специальной подготовкой¹⁴.

В 1871 г. Ибрагимов — участник комиссии по выявлению возможности «применения русского алфавита к чтению и письму на сартовском языке» и «согласованию краткой хрестоматии самых легких рассказов на сартовском языке в русской транскрипции» (в связи с заявлением на имя генерал-губернатора Сейид Азим-бая о желательности открытия в Ташкенте школы для детей коренного населения «на новых началах с преподаванием русского языка и общепринятых в мусульманских школах наук»; ТВ, 1871, № 21).

Ибрагимов участвовал также в комиссии по приему арабского шрифта, полученного из Петербурга для типографии Военно-народного управления. В 1874 г. Ибрагимов посетил по делам службы Петербург (ТВ, 1874, № 23), в 1876 г. — Ферганскую область (ТВ, 1876, № 40), в 1875 г. участвовал в Кокандском походе переводчиком при Полевом штабе (ТВ, 1875, № 33).

С 1870 по 1878 г. И. И. Ибрагимов — редактор «Туркестан вилайети газети», выходившей на казахском («киргизском») и узбекском («сартовском») языках.

¹¹ Имеется в виду Кокчетавский окружной приказ, в котором с 31 июля 1856 г. в должности султанского письмоводителя работал брат Ибрагимова — Шахимурад.

¹² Письмо к А. Н. Бекетову, 2 января 1862 г. (Чокан Валиханов, Избранные произведения, Алма-Ата, 1958, стр. 554).

¹³ О его служебной деятельности в Туркестане см.: ТВ, 1870, № 9, 11, 15, 28, 34, 35; 1871, № 13, 21; 1872, № 3, 5; 1874, № 1, 6, 23; 1875, № 33; 1876, № 2, 40; 1877, № 3; 1878, № 9, 24, 29, 48; 1879, № 36; 1880, № 25, 48; 1881, № 1, 3, 5, 27, 47, 48; 1882, № 16, 19, 41; 1884, № 35; 1885, № 40; 1886, № 5.

¹⁴ О нем см.: Е. И. Гневушева, Забытый путешественник. Жизнь и путешествия Петра Ивановича Пашино, М., Госгеографиздат, 1960, стр. 112.

В 1873 г. его брат Ф. И. Ибрагимов временно замещал, а в 1878 г. — сменил его на этом посту¹⁵.

1 июля 1878 г. Ибрагимов был назначен на должность и. о. старшего чиновника по дипломатической части при генерал-губернаторе (ТВ, 1878, № 29). В следующем году, пользуясь отпуском, он посетил Германию и Францию (ТВ, 1879, № 36, 44), а в 1880 и 1881 гг. возглавлял русские посольства в Бухару. В апреле 1882 г. ему вынесли благодарность «за прекрасное во всех отношениях исполнение в продолжение всех четырех лет обязанностей дипломатического чиновника» (ТВ, 1882, № 19). Однако, 12 октября 1882 г. приказом генерал-губернатора Черняева он был «уволен, по прошению, от службы с мундиром».

Э. А. Масанов связывает эти факты, и, видимо, не без основания, с тем, что Черняев имел «столкновение с Ч. Ч. Валихановым и не любил и его друзей»¹⁶. Во всяком случае, характерно, что после замены Черняева Ибрагимов вернулся в Туркестан и был зачислен сверхштатным чиновником Канцелярии туркестанского генерал-губернатора. В 1886 г. он состоял в Петербурге при Путевой канцелярии туркестанского генерал-губернатора (ТВ, 1886, № 5). Этот период его деятельности известен пока еще слабо.

За год до этого, в 1885 г., возник, очевидно, вопрос о «повышении» Ибрагимова и возможности использования его на службе по ведомству народного просвещения. В связи с этим всемогущему обер-прокурору святейшего Синода К. Н. Победоносцеву было послано письмо, в котором небезызвестный Н. И. Ильминский с циничной откровенностью великодержавного шовиниста и ретрограда высказывался против кандидатуры Ибрагимова. «Для нас вот что подходяще было бы, — писал он, — чтобы в русском разговоре путался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только губернатора, но и всякого столоначальника и т. п.». Ибрагимов же, по словам Ильминского, был слишком «тонким инструментом» и привлечение его к ведомству просвещения явилось бы делом рискованным.

Ильминский видел Ибрагимова в 1884 г. в Ташкенте, где Иван Иванович был известен «как отличный знаток азиатских языков и дельный дипломат». Он, писал Ильминский, «довольно высокий, стройный, тончайший, цивилизованный (курсив здесь и далее наш. — Б. Л.) и вполне коммифотный, можно сказать, блестящий... Говорит бойко, красноречиво и энергично... служив долго в центре Туркестанского управления, он, как человек внимательный и умный, вероятно, отлично узнал всю подноготную мусульманских стран, народов и правительств; как на ладони, видит и знает всю совокупность мусульманского мира на всем лице земли; лично знаком со многими лицами и в России, и в Средней Азии, и в Индии, и в Киргизской (Казахской. — Б. Л.) степи и т. д... (он) владеет блестящим русским говором и изложением, идеями прогрессивными, даже, когда нужно, либеральными, обращением и манерами ловкими и совершенно светскими, смелостью и умелостью держать себя с достоинством, но без дерзости перед кем угодно».

¹⁵ Работа братьев Ибрагимовых по редактированию газеты ускользнула от внимания даже такой компетентной специалистки, как покойная М. П. Авшарова, в ценнейшем указателе которой («Русская периодическая печать в Туркестане. 1870—1917 гг.») в качестве редактора газеты указан только Ш. М. Ибрагимов (стр. 64, 156). Деятельность И. И. Ибрагимова как редактора и автора «ряда этнографических очерков киргизского народа» была отмечена на страницах «Записок» Восточного Отделения Русского Археологического Общества (т. IX, СПб., 1896, стр. 256, «Двадцатипятилетие Туркестанских ведомостей»).

¹⁶ Э. А. Масанов, указ. статья, стр. 54.

Примечательно то, что именно эти положительные качества побуждали Ильминского высказаться против кандидатуры Ибрагимова, который «наших мешковатых духовных может стусевать», «... может обаять и обслепить наших господ и чинов высшего управления. Тевкелев (оренбургский муфтий) перед ним мешок»¹⁷.

Для более полной характеристики личности Ибрагимова следует указать, что в начале 1878 г. он был назначен членом следственной комиссии по расследованию фактов незаконной скупки крупных земельных участков группой «господ ташкентцев» — начальником Кураминского уезда полковником Гуюсом, генерал-лейтенантом Головачевым, камер-юнкером Савенковым и др. Несмотря на все попытки замять дело, члены комиссии (Д. М. Граменицкий, И. И. Ибрагимов и др.) довели свои функции до конца, опросив 800 человек — «виновных, участников, пособников, потерпевших и свидетелей». Они вскрыли истину вопреки тому, что «обвиняемые благодаря своему служебному положению имели сильное влияние на коренное население» (ТВ, 1878, № 9).

Примечателен факт пребывания И. И. Ибрагимова членом Туркестанского Отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, на заседаниях которого были заслушаны, в частности, его «несколько очерков из жизни киргизского народа, в которых подробно описывались рождение, обручение и женитьба киргизов Большой Орды», и «о материалах к характеристике мусульманских мулл в Киргизской степи»¹⁸.

Дипломатические способности Ибрагимова, проявленные им в годы службы в Туркестанском крае, не остались незамеченными. В 1890 г. он был назначен генеральным консулом российского консульства, учрежденного в портовом городе Джидде (ныне Саудовская Аравия). По этому поводу «Туркестанские ведомости» писали: «Не сомневаемся, что и на аравийском берегу И. И. Ибрагимов заслужит вскоре такую же любовь и уважение, какими пользовался он во все время своей долголетней службы в Туркестане» (ТВ, 10 июля 1890, № 28).

Очевидно, так оно и было бы, но менее чем через год жизнь И. И. Ибрагимова трагически оборвалась. Обстоятельства его смерти описаны служившим в Джедде сотрудником русского консульства. По его словам, вскоре после приезда к месту назначения Ибрагимов посетил Мекку, где в то время вспыхнула эпидемия холеры. «Оставив жену в Мекке, Ибрагимов с двумя джигитами и с одним из туркестанцев выехали в Джедду... Не проехали они и несколько сот сажен, как... с ним сделался сильный кровавый понос... Ибрагимов скончался, не доезжая

¹⁷ См. «Письма Николая Ивановича Ильминского», Казань, 1885, стр. 176—177. На страницах известной книги А. И. Добросмыслова «Ташкент в прошлом и настоящем» (Ташкент, 1912, стр. 291) об Ибрагимове сказано: «Первым редактором («Туркестанской туземной газеты») был назначен татарин (!? — Б. Л.), переводчик... Шагимуррад Мирасович Ибрагимов, человек малограмотный, обучавшийся в одном или двух классах сибирского кадетского корпуса». Здесь Добросмыслов явно путает Шахимардана Ибрагимова с его братом Шахимуратом (в 1891 г. скончался Шахимардан, а не Шахимурад), и сама оценка эта, тенденциозная и сугубо несправедливая, может быть объяснена только получением Добросмысловым сведений от кого-либо из шовинистически настроенных и пристрастных колониальных чиновников.

¹⁸ Б. В. Лукин, Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность, Ташкент, 1962, стр. 97. И. И. Ибрагимов участвовал также в работе группы членов Среднеазиатского ученого общества (1870—1871), разработавшей проект «транскрибированного мусульманскими буквами словаря русских слов» в помощь коренному населению края и аналогичного словаря «туземных слов» в помощь русским (см. текст записки Бекчурина, Ибрагимова и Еникеева с дополнениями Федченко; там же, стр. 85—88).

до станции Хадда. Тело его доставлено в Джедду... На его могиле поставлен камень с надписью на русском и арабском языках... Покойный... относился к своим обязанностям ревностно и вел дело энергично, а потому его до сих пор с злобой вспоминают разные далили, вакили, те наши туркестанцы, которые в Джедде берут от легковых паломников деньги на сохранение на время поездки их в Мекку, и вообще все проходимцы, живущие исключительно обиранием паломников, всячески их эксплуатируя. Он, как русский консул, старался защищать своих соотечественников от этой саранчи... и вообще помогал им по мере возможности»¹⁹.

«В Ташкенте, — сообщала газета «Туркестанские ведомости» 30 июля 1891 г., — получено грустное известие о кончине... Ш. М. Ибрагимова.... Кончина этого, сравнительно еще молодого, энергичного человека, на которого возлагалось столько надежд и русскими и мусульманами, произвела удручающее впечатление на всех, кто знал близко и искренно уважал Шахимардана Мирясовича Ибрагимова».

Перейдем теперь к краткой характеристике этнографических публикаций Ибрагимова. Первая из них появилась в 1870 г. на страницах «Туркестанских ведомостей»²⁰. Это были записи 103 казахских пословиц, собранных Ибрагимовым в «Киргизской степи Сибирского ведомства». Среди них были и пословицы социального звучания, сложившиеся явно в среде трудовых масс («Камень жил не имеет, султан печени не имеет» (т. е. немилостив); «У богача жена умрет — постель обновится, а у бедного жена умрет — голова вскружится», «Пешему сабля нейдет, бедному богатство нейдет»).

Через год Ибрагимов опубликовал 10 стихотворных загадок и отгадок, записанных им «во время разъездов по кочевьям киргизов Большой орды», где «неоднократно случалось встречаться с киргизом Хасаном, 95-летним стариком..., который передал несколько весьма любопытных загадок в стихах»²¹. По словам Хасана, он был певцом и ухаживал за певицею Калипою. На одной из встреч в присутствии многочисленных гостей Калипа пела загадки, а Хасан должен был «разгадывать их в ответной песне».

В 1871 г. в «Туркестанских ведомостях» появилась весьма примечательная (в частности, для характеристики мировоззрения самого автора) статья Ибрагимова о муллах в Киргизской (Казахской) степи. Это был его доклад, прочитанный 8 апреля 1871 г. на открытом заседании Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии²².

Ибрагимов прямо указывал, что вопрос о киргизских муллах связывается им с проблемами преобразования жизни населения киргиз-

¹⁹ Ш. Ишаев, Мекка, священный город мусульман, Средне-Азиатский вестник, Ташкент, ноябрь — декабрь 1896 г., стр. 1—5.

²⁰ Материалы для этнографии Средней Азии. Киргизские пословицы, ТВ, 1870, № 1 (47 пословиц), № 6 (56 пословиц). В 1870 г. (ТВ, № 14) Ибрагимов напечатал заметку, «Проповедник нового учения» (о «корыстолюбцах и обманщиках» — бухарце Аврузе и его сподвижнике казанском татарине-ишане, подвизавшихся среди казахов).

²¹ Материалы для этнографии Средней Азии. Киргизские загадки, ТВ, 1871, № 1. «Киргизские загадки» вошли также в содержание книги «Сборник материалов о русском Туркестане», Ташкент, 1871, стр. 452—458. См. также: «Материалы для этнографии Средней Азии». Киргизские пословицы и загадки. I. Киргизские пословицы. II. Киргизские загадки, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III, СПб., 1874, стр. 391—400.

²² Ш. Ибрагимов, О муллах Киргизской степи, ТВ, 1871, № 14, стр. 55—56. См. также Ш. Ибрагимов, О муллах в Киргизской степи, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. III, СПб., 1874, стр. 353—361. Статья «О муллах в Киргизской степи» была выпущена также в приватном издании Н. В. Дмитровского (Ташкент, 1871,

ских (казахских) степей. По его мнению, муллы делились на категории: указных (назначаемых от правительства) и частных (назначаемых самими указными), а также «просто самозванцев», причем неуказные, как более близкие к народу и доступные ему, пользовались у населения наибольшим почетом. Большинство мулл составляли татары или выходцы из Средней Азии и соседних с Казахскими степями государств. Среди мулл было много бывших торговцев. Их образ жизни (нарочитое воздержание, показная скромность, усердное чтение «священных» книг, чтение молитв для исцеления больных и пр.) был направлен на снискание авторитета среди местного населения.

Ибрагимов не скрывал своего резко отрицательного отношения к муллам. По его словам, «мулла не ленится посещать аулы более богатых киргиз, имея от этого существенную пользу; — во-первых, он может в большом количестве и за хорошие цены сбывать свои заговоры и талисманы, а во-вторых, рассказывая лежковерным киргизам закон и требы магометанской религии,... приобретает в народе известность и доверие, а вместе с тем... и садака («всякое подаяние, идущее муллам, как-то: деньги, лошади, вещи и проч.»). Спустя много лет мулла этот, «не имеющий ничего за душой, торгаш, делается владельцем не маленького табуна скота», а женившись на казашке, приобретает себе верных покровителей в лице родственников своей жены; «в указные муллы поступить тогда делается гораздо легче».

Далее Ибрагимов рассказывает о том, как муллы, пользуясь почти поголовной неграмотностью населения, всячески фальсифицировали приговоры обществ об их желании иметь в качестве указного именно данного муллу. В Уфе будущие указные муллы держали у муфтия, в духовном собрании, экзамен на звание муллы²³. После этого «скромный учитель преобразуется... в важного барина, который на какие-нибудь просьбы бедняка не хочет обращать и внимания».

Ибрагимов рисует злоупотребления мулл при оформлении брачных союзов, высмеивает «вычитывание злых духов», совершаемое ими у постели больных, повествует о шарлатанских приемах, к которым они прибегают с целью обирания невежественного населения. Отсюда автор делает вывод: народ ошибается в муллах, которые «нисколько не заботятся о чистоте магометанской религии, да они и сами очень плохо ее понимают. Единственная их забота: набить себе потуже карман»²⁴.

Как видим, антиклерикальная, «валихановская» направленность статей Ибрагимова стоит вне сомнения. Поучителен также вывод Ибрагимова о том, что «ввиду столь вредного влияния мулл на киргизский (казахский) народ, нельзя не пожелать, чтобы поскорее пришло то время, когда это влияние встретит оппозицию со стороны истинного просвещения. Около трех миллионов киргизов более 150 лет находятся в русском подданстве: пора бы, казалось, местным администраторам подумать об участии киргизов».

В 1872 г. Ташкент посетил старший сын кокандского хана, андижанский бек Хан-Заде. На обратном пути его сопровождали войсковой

15 стр.); в этом же издании отдельным оттиском вышла и статья «Пять дней в Кокане» (Ташкент, 1871, 20 стр.). Ср. Н. А. Буров, Дореволюционная печать Туркестана (1868—1879 гг.), Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, вып. 261, Библиография, вып. X, Ташкент, 1964, стр. 69. «Все, что мы будем рассказывать, — писал Ибрагимов, — относится исключительно к восточной части Киргизской степи, т. е. к бывшей области сибирских киргизов».

²³ «Как он там держит экзамен и какие еще претерпевает метаморфозы, мы про это не знаем, но известно, что не было еще примера, чтобы уехавший держать экзамен возвращался оттуда, не получив желаемого», — писал Ибрагимов.

²⁴ Там же, стр. 56—57.

старшина Б. М. Берг и, в качестве переводчика, И. И. Ибрагимов²⁵. В пути Ибрагимов вел дневник, отрывки из которого вскоре были опубликованы²⁶. В них мы находим описание интересных подробностей этнографического характера — прием во дворце, дворцовая обстановка, музыканты, танцоры-бачи, празднества на дворцовой площади, канатоходцы, процессия музыкантов, певцов, танцоров с показом статуй (изображений) Урустема (Рустама) и его жены, курение опиума, местные похоронные обряды, байга (скачки с призами), представление маскарабазов, осмотр загородного ханского сада.

В 1872 г. Ибрагимов публикует свой этнографический очерк о киргизах («племенах, которых русские называли киргизами или киргиз-кайсаками и которые сами себя называют общим племенным именем казак»), т. е. о казахах Большой орды.

По словам Ибрагимова, он ставил своей задачей «собрать и представить в одной полной картине («от колыбели до могилы») быт, нравы и обычаи народа... который всегда возбуждал мою искреннюю симпатию и в характере которого я видел многие светлые черты», стремясь при этом «не упускать при случае проводить параллель между исконными киргизскими и коренными русскими обычаями», которая «может иметь свой этнографический интерес и значение»²⁷.

Действительно, несмотря на краткость очерка, Ибрагимов сумел насытить его ценными конкретными данными о местных обычаях, традициях, предразсудках, связанных с беременностью женщин, рождением и оберегом детей, женитьбой (выбор невесты, свата и пр.), калымом и т. д. Ибрагимов описывает способы определения размера калыма «богатых киргизов черной кости», среднего и бедного класса, обряд сватовства и венчания и т. п., рисует гостеприимство казахов. Далее он рассказывает о способах лечения болезней (домашние средства, приемы баксов-знахарей), похоронных обычаях²⁸.

В 1873 г. Ибрагимов напечатал краткое пособие для всех, «кому приходится иметь дело с кара-киргизами и входить в разбирательство их споров и тяжб, часто весьма запутанных». Пособие содержало список соответствующих терминов (до 30) с их объяснениями (из быта и обычаев киргизов): акб, арз, гуа, дос, кун, талак, сауча и др.²⁹

В 1874 г. им опубликованы обстоятельные заметки о хивинских туркменах и киргизах³⁰. По словам автора, он, «состоя в должности переводчика при главном начальнике войск, действовавших в 1873 году против Хивы,... провел четыре месяца в Хивинском ханстве, в течение которых, записывая личные свои наблюдения и рассказы (жителей), успел собрать несколько, быть может, не лишенных интереса сведений

²⁵ Русское посольство в Кокане, ТВ, 1872, № 16, стр. 63—64.

²⁶ И. И. Ибрагимов, Пять дней в Кокане (отрывки из дневника), ТВ, 1872, № 20, стр. 80—81.

²⁷ Ш. Ибрагимов, Киргизы. Этнографический очерк, ТВ, 1872, № 1, стр. 2—3; №2, стр. 6—7; см. также: «Этнографические очерки киргизского народа И. И. Ибрагимова», Русский Туркестан, вып. II, М., 1872, стр. 120—152.

²⁸ В № 2 газеты «Туркестанские ведомости» за 1872 г. следует указание: «Продолжение в следующем номере». Однако в других номерах газеты продолжения очерка Ибрагимова мы не находим. Таким образом, публикация очерка не была закончена.

²⁹ Объяснение некоторых терминов, встречающихся в киргизском судопроизводстве, ТВ, 1873, № 42, стр. 167.

³⁰ И. Ибрагимов, Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах (из записной книжки), Военный сборник, т. XLVIII, 1874, № 9, стр. 133—163. Выдержки из «Заметок» были напечатаны на страницах «Туркестанских ведомостей» — Роды и подразделения туркмен Хивинского ханства, ТВ, 1874, № 42, стр. 166.

о туркменах и киргизах, кочующих как в Хивинском оазисе, так и вне его пределов».

«Заметки» открываются «общими замечаниями о туркменах». Автор приводит список родов и подразделений туркмен, «кочующих собственно в Хивинском ханстве, с показанием, насколько это возможно, числа населения в них», а также характеризует узбекско-туркменские отношения. Пользуясь приездом туркмен рода сарык из Мерва к командующему русскими войсками, Ибрагимов собрал сведения об их роде и о текинцах, о родовых подразделениях и местах их кочевий.

Далее он охарактеризовал «нравы, обычаи и особенности жизни туркмен и других народностей Хивинского ханства» (отметив, в частности, что, «в общем, народ в Хивинском ханстве... вовсе не относился враждебно к русским»)³¹. Ибрагимов подробно описал брачные и похоронные обычаи, одежду и обувь туркмен, узбеков и киргизов. Специальный раздел публикации составили сведения о бывших русских пленных, с которыми Ибрагимов встречался в Хиве (Постнов, Клинин и др.). Завершаются «Заметки» данными о породах и особенностях лошадей в Хивинском ханстве³². В приложении даны «туркменские и киргизские пословицы и поговорки» (17) и «употребительнейшие туркменские и узбекские слова и выражения (с переводом их)», а также «имена у узбеков» и «имена у туркмен» (мужские и женские).

На страницах одного из сборников «Древняя и новая Россия» Ибрагимов описал поминки («ас») по мужчинам как одно из «характеристических празднеств киргизского народа» (на примере поминок, свершенных спустя два года после смерти зажиточного киргиза Чальдина, свидетелем которых он был в июне 1869 г.)³³. Попутно автор привел некоторые данные об охоте с ястребами и соколами на уток, гусей и перепелов, а также об охоте на волков и с борзыми собаками на лисиц. В очерке содержались тексты некоторых казахских песен (в прозаическом переводе на русский язык), загадок, а также данные по судебному разбирательству и др. Описаны происходившие на поминках состязания певцов и борцов, а также скачки.

В 1878 г. в «Записках» Русского географического общества была опубликована статья Ибрагимова о суде у казахов³⁴. Статья вошла в том «Записок», посвященный народным юридическим обычаям. По словам автора, он стремился дать в сжатом виде описание казахского суда по местным обычаям (на примере Средней орды). Суд был гласный, очный и апелляционный. Заочные решения выносились редко. В качестве судьи (бия) обычно выступало богатое лицо, в ауле которого проживал ответчик, или почетное лицо, под влиянием которого находился ответчик, либо, наконец, родоначальник. Казахи, враждовавшие между собой, выбирали для решения спорных дел родоначальников со стороны. Недовольные решением бия или родоначальника ждали большого собрания или поминок, на которых старший из аула защи-

³¹ И. Ибрагимов, Некоторые заметки..., стр. 143.

³² См. также: И. И. Ибрагимов, Породы лошадей в Хивинском ханстве, газ. «Коннозаводчик», СПб., 1874, № 19, стр. 166—168.

³³ И. Ибрагимов, Очерки быта киргиз. I. Поминки. Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник, 1876, Год второй, т. III, № 9, стр. 51—63, с 1 рис.

³⁴ И. Ибрагимов, Заметки о киргизском суде, Записки Имп. Русского географического общества по отделению этнографии, т. VIII, СПб., 1878, стр. 233—257. Публикуя на своих страницах заметки Ибрагимова о киргизском (казахском) суде, редакция «Записок» в лице действительного члена РГО П. А. Матвеева указывала, что «Ибрагимов — автор интересных «Очерков быта киргизов» в «Древней и новой России» за 1876 г., № 9» (стр. 233).

щал интересы односельчан. Описывая подробности разбора дел, Ибрагимов останавливается также на обычаях мести, на выборах волостных управлений и т. п.

Здесь Ибрагимов проявил себя внимательным наблюдателем, не упустившим из поля зрения и социальную сторону дела. «Волость, в которую выбирали управителя, — отмечал он, — была богатая; многим хотелось покормиться на ней и набить себе карман»³⁵.

Ибрагимов описал систему подкупа избирателей и «разных мошенничеств», которые «каждому выбранному стоят немало денег». Выбранные «спешат скорее нажиться», ибо «уездный начальник может отстранить выборных от занимаемых ими должностей и раньше трехлетнего срока»³⁶. Автор не обошел молчанием и вопроса о злоупотреблениях биев, «которые действительно имеют большое пристрастие к сильным и богатым», о мытарствах рядовых казахов — просителей и истцов.

Изучая печатное наследие Ибрагимова, мы видим, что он, подобно Ч. Ч. Валиханову, отчетливо сознавал прогрессивное значение сотрудничества народов Средней Азии с русским народом.

Нельзя не согласиться с Э. А. Масановым, что печатные работы Ибрагимова «способствовали утверждению гуманного отношения к нерусским народам...», что «он был одним из немногих образованных этнографов, представителей национальных меньшинств, испытавших значительное влияние русской прогрессивной мысли»³⁷.

Ибрагимов делал и переводы с русского на узбекский язык, в частности им была переведена (в извлечениях) статья А. П. Федченко о причинах заболевания риштой³⁸.

Особо надо отметить, что с именем Ибрагимова связано издание первой выпущенной в Средней Азии книги на узбекском языке — «Календаря на 1871 год», составителем которого он был³⁹. Книга вышла в начале марта 1871 г. тиражом 500 экз. и тотчас была распродана, что вызвало необходимость повторного издания ее, осуществленного в конце того же года⁴⁰.

Затем вышел «Календарь» на 1872 г.⁴¹ В объявлении «Туркестанских ведомостей» о выходе этого календаря отмечалось, что в нем помещены, в частности, сведения об образовании Русского государства; о числе жителей в империи; об условиях торговли между Россией, Бухарой и Коканом; о конторах и отделениях Государственного банка; о городских общественных банках; о ярмарках в России, на которые

³⁵ И. Ибрагимов, Заметки о киргизском суде, стр. 243.

³⁶ Там же, стр. 248.

³⁷ Э. А. Масанов, указ. статья, стр. 55.

³⁸ А. П. Федченко, Отчего человек заболевает риштой, Перевод на сартовский И. И. Ибрагимова, Ташкент, 1882; см. также: «Как извлечь ришту», Туркестан вилайети газети, 1872, № 10 (Возможно наличие на страницах данной газеты и других публикаций, связанных с именем Ибрагимова и его брата).

³⁹ Календарь-книжка на 1871 год, Ташкент, 1871, 62 стр. Ср.: Е. К. Бетгер, Из истории книжного дела в Узбекистане, Известия АН УзССР, 1951, № 2, стр. 75—78.

⁴⁰ Географические известия, № 6, 25 августа 1871 г. (Известия ИРГО, т. VII, 1871, стр. 332): «Редакция Туркестанских ведомостей весьма обязательно препроводила в Географическое Общество экземпляр сартовского календаря, составленного по поручению генерал-губернатора Шахмарданом Ибрагимовым и изданного редакцией означенных ведомостей. При этом редактор г. Маев изъясняет, что присылка календаря замедлилась оттого, что все первое издание его разошлось в два дня, и редакция сейчас же приступила ко второму изданию».

⁴¹ Календарь-книжка на 1872 год, Ташкент, 1871, 187 стр. По словам Н. А. Бурова, Бетгер «предполагал, что оно идентично календарю 1871 г. и является его вторым изданием». Экземпляр «Календаря» на 1872 год имеется в собраниях Государственной публичной библиотеки им. А. Навои в Ташкенте (С. Гафуров, Первый календарь на узбекском языке, Правда Востока, 20 ноября 1965 г.).

азиаты вывозят свои товары; медицинские сведения; список почтовых станций Туркестанского генерал-губернаторства; разные географические данные; почтовые правила и временные постановления по почтовой части; судебный отдел; сведения о расстоянии между Ташкентом и другими городами империи; арабская сказка (в приложении к календарю) и проч.

«Календарь» на 1873 г. печатался в Москве⁴². Всего, таким образом, «Календарь» издавался четыре раза⁴³.

Остается добавить, что письменное наследие Ибрагимова растеряно, не собрано, хотя в какой-то мере оно дошло до наших дней и ожидает своего исследователя. Так, в архиве востоковеда А. Л. Куна (Ленинград)⁴⁴ мы встретили рукопись Ибрагимова «Дорожные наброски. Воспоминания туриста», содержащую описание пути от Ташкента на Ходжент, самого Ходжента и других населенных пунктов, легенды о происхождении Ходжакента и др.⁴⁵

Люди, подобные Ибрагимову, не должны быть забыты. Поиски и разработки материалов к более подробной характеристике его жизни и деятельности должны продолжаться⁴⁶.

⁴² ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 20, д. 4930.

⁴³ По сведениям, любезно сообщенным нам старейшим библиографом-туркестановедом Н. А. Буровым, кроме этих календарей, называвшихся «большими», были изданы стенные календари. «Они составлялись Шахимарданом Ибрагимовым, выходили отдельно на местных языках и на русском или вместе, как сартовско-русские; дата выхода стенных календарей, общее количество изданий этого рода и характер их неизвестны. Есть данные о напечатании стенного календаря на 1874 г. в типографии Академии наук в Петербурге» (письмо Н. А. Букова, 13 августа 1965 г.).

⁴⁴ Архив востоковедов Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР, ф. 33, д. 224, 225.

⁴⁵ Ср. Б. В. Лукин, Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1965, стр. 119, 404. Из сообщения Л. Е. Бертельса (28 октября 1965 г.) явствует, что «Дорожные наброски» (лл. 1—78) «написаны характерным писарским почерком (вероятно, переписчика) с многочисленными пропусками (видно, переписчик не разбирал слова и оставлял место) и вставками другим почерком (может быть, рука Куна?); рукопись не имеет конца; лл. 79—92 уже другой почерк, также с многочисленными поправками тем же почерком (Куна?). Что касается д. 225 (дневник лица, приставленного к старшему сыну кокандского хана андижанскому беку Сейид Мухаммад ад-дин-беку во время его посещения в 1872 г. Ташкента и сопровождавшего его на обратном пути в Андижан (этим лицом, как мы видели выше, был И. И. Ибрагимов. — Б. Л.), то дневник этот обернут листом бумаги, на котором написана записка на имя «Ив. Ив.» (несомненно, на имя И. И. Ибрагимова. — Б. Л.) с указанием, что «при переписке сделано много ошибок, затрудняющих чтение» (главнейшие из них указаны рукою Куна карандашом на полях рукописи) со словами: «ответьте мне Ив. Ив. насчет продолжения «Дневника». Прошу Вас, предварительно отъезда в Кокан, просмотреть корректуру «Киргизы». Дневник также «писан несколькими почерками, чередуются чистовые и черновые места, во многих случаях явно почерка переписчика, но что написано рукой самого Ибрагимова — сказать трудно».

⁴⁶ Настоящая статья уже была сдана в печать, когда ее автору довелось ознакомиться с формулярным списком Ш. М. Ибрагимова, хранящимся в архиве Министерства иностранных дел (Архив внешней политики России, ф. ДЛС и ХД, личные дела, 1891, д. 408). Список этот, составленный после смерти Ибрагимова, мало чем дополняет известные нам данные к его биографии. Однако заслуживают внимания следующие факты: а) о пребывании Ибрагимова учителем киргизского языка в Омской киргизской школе, учрежденной при Омском областном правлении и б) о зачислении его в августе 1887 г. на службу в ведомство Министерства иностранных дел (подробности не известны; консулом в Джидае он был назначен приказом по Министерству 22 ноября 1890 г.). Ибрагимов был женат дважды: первый раз на дочери касымовского купца Такиева Айни Камал (развод последовал в 1880 г.) и второй раз (с 14 февраля 1891 г.) — на дочери штабс-капитана Рахимова Хусни-Дусхан Ахметовне.

Б. В. Лунин**ЎРТА ОСИЁЛИК ЭТНОГРАФ ШОҲИМАРДОН (ИВАН) ИБРОҲИМОВ**

Мақолада Чўқон Валихоновнинг яқин дўсти, XIX асрнинг иккинчи ярмида яшаб ижод этган ўрта осийлик атоқли этнограф Шоҳимардон Мирясович (Иван Иванович) Иброҳимовнинг ҳаёти ва фаолияти ҳақида қизиқарли маълумотлар келтирилган.
